

со скуки, какъ говорятъ обыкновенно, но это не значитъ, что они пьянствуютъ. Онъ постарается тѣснѣ сойтись съ товарищами. Можно что-нибудь выписывать вмѣстѣ и вмѣстѣ же читать. Вообще онъ постарается какъ-нибудь поразнообразить скучную захолустную жизнь. Любительскіе спектакли, напр... Люди на маякѣ—и то живутъ цѣлые годы.

«Не всѣ»,—вспомнилось Корневу.

«Что же изъ этого? — поспѣшилъ онъ себя ободрить. Главное дѣло—годъ, только годъ мнѣ здѣсь прожить, а тамъ снова университетъ, товарищи, большой городъ»...—Да когда же, наконецъ, я доберусь до «города»!—сказалъ онъ вслухъ.

Былъ полдень. Іюльское солнце щедро осыпало своими лучами убогій городокъ. Тихо было въ немъ. Пароходъ ушелъ—и ничто больше не нарушало соннаго, захолустнаго безмолвія. Обыватели сидѣли по домамъ, чиновники корпѣли еще въ своихъ присутствіяхъ. Даже ребятишекъ не было слышно, черными точками мелькали они у Волги, на ослѣпительно-бѣлой песчаной отмели, залитой тепломъ и свѣтомъ. Корневъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на покосившіеся домишки, на подпертые колыями заборы, на траву по срединѣ улицъ. Черезъ отворенныя ворота видѣлъ онъ сохи, бороны, телеги. Лишь нѣсколько улицъ наминали городъ крашеными крышами, вывѣсками, тумбами и дремавшими извожичьими лошадьми.

— Это «городъ», что ли?—спросилъ Корневъ у встрѣчной старухи.

Старуха внимательно посмотрѣла на него изъ-подъ ладони.

— Городъ, батюшка, городъ!

Корневъ еще разъ взглянулъ на вывѣски, на тумбы...

— Городъ, точно,—согласился онъ наконецъ.

На углу двухъ улицъ Корневъ остановился. Передъ нимъ стоялъ семиоконный деревянный домъ, слегка покачнувшійся на бокъ. Тесовая крыша поросла мохомъ. Надъ ветхимъ крылечкомъ красовалась полинявшая голубая вывѣска съ золотымъ орломъ на верху. Одна лапа у орла была переломлена и безжизненно болталась въ пространствѣ. На крылечкѣ, залитомъ солнцемъ, сидѣлъ весьма суроваго вида солдатъ. Все его красное морщинистое лицо заросло громадными усами и сѣдой, клочьями щетиной. Солнце его пригрѣло; на колѣняхъ у него лежалъ большой арбузъ, который онъ лѣниво ковырялъ сломаннымъ ножомъ; около него, на ступеняхъ крыльца, лежала трубка съ мѣдной крышечкой. Все это, вмѣстѣ взятое, давало право каждому постороннему наблюдателю заключить, что старикъ былъ въ данную